

18+

Михаил Мясников

СКРОМНЫЙ ГЕНИЙ

Михаил Мясников

Скромный гений

«Издательские решения»

Мясников М.

Скромный гений / М. Мясников — «Издательские решения»,

Она — обычная студентка, выживающая на стипендию и подработках.
Он — гений, щелкающий сложнейшие задачи как орехи, но скрывающий главное: за его спиной стоит огромная финансовая империя. Чтобы найти настоящую любовь, он притворяется бедным. Их случайная встреча в библиотеке перерастает в искреннюю привязанность, основанную на простоте и честности. Но властный отец героини уже выбрал для неё другого — выгодную партию в лице сына своего компаньона.

© Мясников М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Скромный гений

Михаил Мясников

© Михаил Мясников, 2026

ISBN 978-5-0070-6546-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Её мир был выверен до минуты, как швейцарские часы, и так же безжалостен. Семь утра — подъем под хриплый будильник, который она ненавидела. Семь тридцать — бег до остановки, чтобы успеть на переполненный автобус, где пахнет сыростью и чужими духами. Восемь ноль-ноль — первая пара, на которой она отчаянно боролась со сном, пытаясь вникнуть в монотонный бубнёж лектора. Четырнадцать ноль-ноль — смена в кофейне на углу, где нужно улыбаться клиентам, даже если от усталости сводит скулы. Её звали Катя. Она не хватала звёзд с неба, но была умна и упряма. Её жизнь представляла собой строгий график выживания: учёба днём, работа вечером. Домом ей служила крошечная комната в общежитии с видом на вечно строящуюся многоэтажку или съёмная однушка на окраине, где обои в цветочек казались издевательством над её серыми буднями. Её мечтой было не покорение мира, а простое человеческое счастье: выспаться в выходной, не думая о зачётах, и купить себе кофе не потому, что это нужно посетителю, а просто так, для души. В то же самое время, в тех же самых аудиториях, но словно в другой реальности, существовал он. Мир Ильи был соткан из формул и логических цепочек. Для него не существовало нерешаемых задач. Он не просто учился — он дышал наукой. В то время как однокурсники стонали над дифференциальными уравнениями, он решал их в уме, параллельно слушая музыку в наушниках. Он был гением с лицом обычного парня: растянутый свитер, старые джинсы и рюкзак, который помнил ещё его школьные годы. Никто не знал его тайны. За его спиной не было строгого графика выживания — за его спиной стояла огромная финансовая империя отца. Илья намеренно скрывал своё происхождение. Он ездил на метро или стареньком велосипеде, носил одежду из масс-маркета и обедал в столовой. Ему было жизненно необходимо, чтобы к нему относились как к Илье — парню с феноменальной памятью и странным чувством юмора, а не как к «кошельку на ножках», чьи решения продиктованы размером банковского счёта. Их вселенные пересеклись случайно, в самом тихом месте университета — в библиотеке. Катя сидела за дальним столом у окна, обложившись книгами по экономической теории. Голова гудела после десяти часов непрерывной работы мозга и восьми часов смены на ногах. Перед ней лежала задача по макроэкономике — запутанный клубок из ВВП, инфляции и мультипликаторов. Она смотрела на цифры и чувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы бессилия. — Извини. Она вздрогнула и подняла голову. Рядом стоял он. Илья держал в руках стопку книг и смотрел на неё без тени высокомерия. — Ты не занята? Просто мне нужен стул... — он кивнул на свободный стул у её стола. Катя молча подвинула стул ногой, освобождая место. Он сел так тихо и аккуратно, что она снова погрузилась в свои мысли. Но ненадолго. — Что читаешь? — его голос был негромким, но отчётливым. Она закрыла учебник с такой силой, что он глухо хлопнул. — Пытаюсь понять экономику. Получается плохо. Илья бросил короткий взгляд на её записи. Для него это был детский лепет. — Это не экономика виновата, а автор учебника. Он объясняет через одно место. Дай-ка... Он придвинул к себе её тетрадь. Катя с недоверием наблюдала за тем, как его рука с тонкими пальцами быстро выводит на полях схемы и стрелки. — Смотри. Вот здесь ты путаешь причину и следствие. Инфляция здесь — это не корень зла, а симптом. Смотри на базовую модель... — он нарисовал простой график. — Вот твой ВВП. А вот твоя кривая спроса. Если ты сдвинешь её вот так... Он говорил просто и понятно. Не как лектор с кафедры, а как человек, который видит суть вещей и хочет поделиться этим видением. Катя смотрела то на его рисунок, то на его лицо — сосредоточенное, но спокойное. — А теперь подставь сюда свои цифры из задачи. Она взяла ручку дрожащей рукой (от усталости или от чего-то другого?) и сделала подсчёт по его схеме. — Ого... Получилось. Илья улыбнулся. Это была не снисходительная улыбка отличника над троечником, а искренняя радость от того, что сложная вещь стала простой. — Я же говорил. Главное — найти правильную точку входа в задачу. Он вернул

ей тетрадь и встал. — Спасибо... — тихо сказала Катя ему вслед. Он обернулся уже у своего стола: — Да не за что. Обращайся, если что. Катя осталась сидеть одна. Задача была решена, но внутри неё поселилось странное чувство. Будто этот парень одним росчерком ручки не просто решил уравнение по экономике, а слегка сместил оси координат её собственного мира. Она собрала вещи и пошла к выходу, чувствуя спиной его взгляд или ей просто очень хотелось так думать? В любом случае, между двумя параллельными вселенными только что протянулась тонкая, почти невидимая нить связи.

В начале главы, до того как цифры на странице начали расплываться, Катя читала «Мастера и Маргариту». Это была потрёпанная книга из университетской библиотеки, с закладкой из автобусного билета на сто пятой странице. Она открывала её не для учёбы, а для спасения. Когда реальность становилась слишком серой — бесконечные конспекты, запах дешёвого кофе и шум общежития, — она ныряла в мир, где трусость считалась главным пороком, а любовь могла спасти даже из ада. Булгаков был её тайным убежищем, где можно было выдохнуть и вспомнить, что жизнь — это не только графики и формулы.

А плакала она над задачей по экономике не от глупости. Катя была умной девочкой, и она прекрасно понимала теорию. Она плакала от безысходности и усталости. Цифры в задаче были не просто цифрами. Это были реальные деньги, которых у неё не было. Это была инфляция, съедающая её крошечную зарплату бариста. Это был ВВП страны, который рос где-то там, в отчётах правительства, но никак не отражался на её способности купить новые зимние ботинки или просто оплатить следующий месяц аренды комнаты. Задача требовала холодного расчёта, а у неё внутри всё кипело от несправедливости мира, где экономика казалась бесчеловечной машиной. Она плакала от того, что чувствовала себя песчинкой в этом огромном механизме.

Илья же, в отличие от неё, находил в этом механизме поэзию.

Когда он не сидел над учебниками, его тайным увлечением было то, что он сам в шутку называл «городской археологией данных». Чтобы окончательно стереть грань между собой и «обычными» студентами, он искал хобби, которое никак не ассоциировалось бы с роскошью. Он не мог пойти в гольф-клуб или заняться коллекционированием вин. Вместо этого он с головой уходил в мир открытых данных.

Его «игрушкой» был старенький ноутбук и доступ к публичным порталам госзакупок, транспортным потокам и картам города. Илья создавал сложные модели и алгоритмы, которые предсказывали пробки с точностью до минуты, анализировал тендеры на предмет странных совпадений или просто строил тепловые карты самых популярных велодорожек в городе. Он мог часами сидеть над скриптом на Python, который визуализировал бы маршруты мусоровозов.

Для него это было идеальным прикрытием. Кто заподозрит наследника финансовой империи в том, что он по выходным ковыряется в скучных таблицах с номерами контрактов? Это выглядело как странное, почти асоциальное увлечение типичного «ботаника». Друзья (которых у него было немного) крутили пальцем у виска: «Зачем тебе это?». А Илья лишь пожимал плечами и отвечал что-то про «интересную задачу оптимизации». На самом деле это была его форма побега. В мире чистых данных не было лицемерия, светских раутов и разговоров о слияниях корпораций. Там была только логика, красота кода и чистая правда цифр — то, что он по-настоящему любил.

Поэтому, когда он увидел слёзы Кати над задачей, он увидел не просто ошибку в расчётах. Он увидел сбой в системе, который ему захотелось исправить не ради оценки, а ради того, чтобы вернуть этой уставшей девушке немного ясности и спокойствия. Он просто вернул ей её собственный мир, сделав его чуть более понятным.

Илья вернулся к своему столу, но не стал сразу погружаться в учебник по высшей математике. Он украдкой наблюдал за ней. Катя не спешила уходить. Она сидела, уставившись в одну точку на странице, где его рука оставила маленький, почти идеальный график. В её позе

всё ещё чувствовалось напряжение, но теперь к нему примешивалось что-то ещё — растерянность и удивление. Он видел, как она медленно, словно не веря самой себе, стерла ластиком свои старые, неверные расчёты и аккуратно вписала правильный ответ.

Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. Илья на секунду оторвался от своей книги и едва заметно кивнул ей, словно говоря: «Ну вот, всё же просто». Она слабо улыбнулась в ответ — не той дежурной улыбкой, которой одаривала клиентов в кофейне, а настоящей, искренней, от которой в уголках её глаз собрались смешные лучики-морщинки.

Он встал и подошёл к ней. Это было естественное движение, продиктованное не правилами этикета, а простым желанием убедиться, что «сбой в системе» устранён. — Всё в порядке? — спросил он, кивая на тетрадь.

Катя закрыла книгу Булгакова, заложив страницу пальцем. — Да. Спасибо. Я... я просто не с той стороны зашла. Увидела кучу переменных и решила, что это конец света.

— Это частая ошибка, — серьёзно кивнул Илья. — Попытаться решить задачу целиком, вместо того чтобы разбить её на элементарные частицы. Экономика — это не магия. Это просто очень большая и логичная игра.

— Для тебя — может быть, — вздохнула она, собирая свои вещи в рюкзак. Рюкзак был старый, с надорванной ляжкой, которую она старательно приматывала изолентой. — А для меня это просто способ понять, почему денег вечно не хватает.

Илья на секунду замер. Эта фраза была слишком реальной, слишком «не из его мира». Он привык оперировать суммами с шестью нулями и процентными ставками центральных банков. Бытовые проблемы вроде «не хватает на новые ботинки» были для него абстракцией из социальных статей. — Слушай... — начал он, подбирая слова. — Если тебе ещё понадобится помощь... Я часто здесь бываю. Особенно по вечерам, когда эти снобы с платного отделения уходят.

Он сказал это с лёгким презрением, и Катя удивлённо вскинула бровь. — Ты не любишь богатых?

Илья усмехнулся, но улыбка вышла горькой. — Я не люблю пустых людей. А статус их часто делает именно такими. Деньги — это просто инструмент. Как молоток. Можно дом построить, а можно пальцы отбить.

Катя рассмеялась. Смех у неё был тихий, грудной. — Красиво сказано. Про молоток.

Они вышли из библиотеки вместе. В коридоре было шумно: мимо проносились стайки студентов, кто-то кричал в телефон о несданном зачёте. Илья придержал для неё дверь на выходе из корпуса. — Тебе куда? — спросил он.

— На работу, — она глянула на часы на телефоне и тихо выругалась. — Опаздываю уже на десять минут. Босс будет в ярости.

— Я могу тебя подвезти, — предложил Илья раньше, чем успел подумать. Он тут же мысленно выругался сам на себя. Велосипед остался прикован у общаги.

Катя посмотрела на него с недоумением. — На чём? На метро? Я живу в другом конце города. Спасибо за предложение и за помощь с задачей... правда. Но мне надо бежать.

Она закинула рюкзак на плечо — тот самый, с изолентой — и быстрым шагом направилась к выходу в город, растворяясь в толпе спешащих людей. Илья остался стоять в дверях университета. Он смотрел ей вслед до тех пор, пока её фигура не скрылась за поворотом.

Он остался один в своём мире логики и больших чисел, но почему-то теперь этот мир казался ему чуть более пустым. Он посмотрел на свои руки, которые только что нарисовали для неё спасительный график. «Инструмент», — снова подумал он про деньги. Сегодня его главный инструмент — ум — помог кому-то по-настоящему. И это чувство было куда приятнее, чем очередная похвала от отца за блестяще закрытую сделку по слиянию компаний. Он сунул руки в карманы своего старого пальто и пошёл в сторону общежития, думая о девушке с усталыми глазами и книгой Булгакова в рюкзаке.

Их отношения развивались не как бурный роман из кино, а как медленное, но неотвратимое таяние льда. Это была весна в миниатюре, наступившая в их душах посреди холодной слякоти мегаполиса. Ухаживания Ильи были настолько скромными и естественными, что казались продолжением их дружбы. Он не пытался произвести впечатление. Он просто был рядом.

Их свиданиями были долгие прогулки по парку, где они могли часами говорить обо всём и ни о чём. Илья рассказывал ей о красоте математических формул, о том, как устроен мир на самом фундаментальном уровне, а Катя делилась с ним простыми, но такими важными вещами: смешной историей от бариста-новичка в кофейне, цитатой из Булгакова, которая почему-то зацепила именно сегодня, или просто жаловалась на усталость. Он слушал её так, как никто и никогда не слушал — не пропуская ни слова, впитывая каждую эмоцию.

Кофе из автомата за тридцать рублей был вкуснее любого латте с корицей из дорогой кофейни. Потому что этот ритуал — стоять у гудящего аппарата в гулком коридоре университета, деля на двоих один пластиковый стаканчик — был *их* ритуалом. В этом не было ни капли показной роскоши, которую она так ненавидела. В этом была честность.

Но самыми драгоценными были ночные разговоры. Когда город засыпал, а в её (или его) комнате гудел старенький ноутбук, они созванивались по видеосвязи. Экран телефона становился порталом в другую вселенную. Они могли болтать до трёх-четырёх утра. Илья, который днём решал сложнейшие задачи для кафедры, ночью мог с детским восторгом рассказывать о найденном им баге в популярной игре или делиться новой идеей для своего «городского археологического» проекта. Катя, засыпавшая на ходу после смены, находила в себе силы смеяться над его шутками. В эти моменты она чувствовала себя абсолютно счастливой и защищённой от всего мира.

Её отец, Виктор Андреевич, видел эту идиллию совершенно иначе. Для него дочь была не просто любимым ребёнком, а ключевым активом в сложной шахматной партии бизнеса. Его мир был построен на прагматизме и холодном расчёте. Эмоции были слабостью, а любовь — неудобным фактором в уравнении слияния капиталов.

Артур был идеальным решением. Сын его давнего партнёра по бизнесу. Такой же прагматичный, циничный и знающий цену всему. Их брак должен был скрепить союз двух корпораций, сделав его нерушимым. Виктор Андреевич давно всё решил за дочь. Он считал это заботой о её будущем. «Брак по любви — это для бедных», — любил повторять он.

Когда до него дошли слухи о «нищем студенте», с которым его Катя проводит всё свободное время, он не поверил. А когда проверил и увидел реальность — пришёл в холодную, тихую ярость. Это было хуже крика. Это было ледяное презрение.

Он вызвал её к себе в кабинет. Это был не дом, а именно кабинет — с массивным столом из тёмного дерева, панорамным окном на ночной город и запахом дорогого табака.

— Что это за цирк? — его голос был тихим и ровным, но от него веяло могильным холодом. Он бросил на стол распечатку с её перепиской с Ильёй.

— Папа, это не цирк. Мы встречаемся.

— Встречаетесь? — он брезгливо поморщился. — Ты себя слышишь? Он же никто. Студентика с пустой головой и дырявыми карманами.

— Он гений! — возразила Катя, чувствуя, как внутри закипает незнакомая ей самой злость.

— Гений? — Виктор Андреевич расхохотался, но смех был безжизненным. — Очнись. Он альфонс. Пока ты горбатишься в своей кофейне, он присосался к тебе и тянет деньги на свои никому не нужные книжки. Или ты думаешь, что он влюбился в твои синяки под глазами от недосыпа?

— Не смей так говорить! Ты его даже не знаешь!

— А мне и не нужно его знать! — отец впервые повысил голос и ударил ладонью по столу. Звук был похож на выстрел. — Я знаю главное: он не нашего круга. Он угроза твоему будущему. Нашему будущему.

Жестокая кампания по их разлучению началась не с криков, а с тотального контроля. Виктор Андреевич установил на её телефон программу родительского контроля под предлогом заботы. Он начал звонить ей каждые полчаса с проверками. Её банковскую карту заблокировали «до выяснения обстоятельств», оставив ей лишь крошечную сумму на проезд и еду. Он звонил заведующей кафедрой и намекал на возможные проблемы с оплатой обучения для «нерадивой» студентки.

Катя оказалась в клетке из золота и лжи. Мир искренних ночных разговоров столкнулся с холодной стеной отцовского прагматизма, и первые трещины уже побежали по их хрупкому счастью.

Виктор Андреевич не кричал. В этом и заключался главный ужас. Его ярость была не огненной вспышкой, а ледяным, давящим холодом, от которого стыла кровь. Он не повышал голос, он его понижал до глухого, утробного рычания, от которого вибрировал массивный дубовый стол.

Катя стояла перед ним, вжавшись в спинку кресла для посетителей, словно пытаясь просочиться сквозь дорожную кожу обивки. Она никогда не боялась отца так, как сейчас. В детстве его строгость была понятной: не убегай далеко, учись хорошо. Сейчас же перед ней стоял абсолютно чужой, пугающий человек, который методично разрушал её мир.

— Ты меня слышишь? — его голос был тихим, но каждое слово падало, как свинцовая гиря. — Я не для того пахал всю жизнь, строил империю с нуля, чтобы какая-то сопливая романтика пустила всё под откос. Ты — моя наследница. Твой брак с Артуром — это гарантия стабильности на десятилетия вперёд.

— Я не вещь, чтобы меня гарантировать! — выкрикнула Катя, чувствуя, как к горлу подступают слёзы бессилия. — Я живой человек! Я люблю его!

Слово «люблю» повисло в воздухе. Виктор Андреевич медленно, очень медленно поднял на неё взгляд. В его глазах не было ни капли тепла. Он смотрел на неё так, словно видел впервые и то, что он видел, вызывало у него глубокое отвращение.

Он не стал отвечать. Вместо слов он совершил одно-единственное движение.

Его рука, до этого спокойно лежавшая на подлокотнике кресла, сжалась в кулак. Но он не ударил по столу. Это было бы слишком просто, слишком театрально. Его жест был другим — более личным и оттого более пугающим.

Он медленно разжал ладонь и с силой провёл ею по своей идеально уложенной причёске. Движение было резким, рваным. Пальцы зарылись в волосы на затылке, сжались там на долю секунды в тугий замок, а затем так же резко отпустили. Несколько прядей выбились из идеального порядка и упали ему на лоб.

Этот простой жест сказал больше любых слов. Это был жест человека, который находится на грани самообладания. Человек, чья жизнь подчинена абсолютному контролю и порядку, вдруг позволил себе этот единственный яростный всплеск, чтобы не сорваться окончательно. Он показал ей свою уязвимость — свою неспособность контролировать её чувства — и это напугало её до дрожи больше, чем любой крик.

Он встал. Массивная фигура отца нависла над ней. — Это не любовь, Катерина. Это блажь. А блажь лечится. С этого момента ты под домашним арестом. Телефон я забираю. На учёбу — и сразу домой. Я уже договорился с деканатом, тебе составят индивидуальный график, чтобы не пересекаться с этим... субъектом.

Он обошёл стол и остановился прямо перед ней. — Если ты посмеешь послушаться... если я узнаю, что ты виделась с ним... я уничтожу его. Не физически, нет. Я сотру его в поро-

шок. Его отчислят из университета по сфабрикованному обвинению в плагиате. Его имя будет вычеркнуто из всех списков. Он станет никем. И это будет на твоей совести.

Он протянул руку ладонью вверх. — Телефон.

Катя смотрела на его руку, потом на его лицо — холодное, решительное — и поняла, что это конец её свободы. Медленно, словно отрывая от себя кусок живой плоти, она достала из кармана джинсов телефон и вложила его в отцовскую ладонь. Экран на мгновение вспыхнул, показывая время и отсутствие уведомлений из мессенджера.

Виктор Андреевич сжал её телефон в кулаке так же крепко, как до этого сжимал свои волосы. — Иди к себе в комнату.

Катя встала и на ватных ногах пошла к двери. Она чувствовала себя так, будто её только что переехал каток, оставив лишь тень от прежней жизни. Выходя из кабинета, она услышала за спиной тихий звук — отец с силой опустил свой кулак на столешницу. Но этот удар был уже не для неё. Это был звук запертой двери её тюрьмы.

Виктор Андреевич, в отличие от многих отцов, в детстве редко прибегал к физическому наказанию. Его строгость была иного, более изощрённого свойства. Он не бил, он — **обещивал**. Его любимым оружием было слово, брошенное с ледяным спокойствием. «Ты разочаровала меня», «Это недостойно нашей семьи», «С твоими способностями можно было бы и лучше». Он не кричал, он создавал вакуум одобрения, в котором любой детский энтузиазм и радость увядали, не находя подпитки. Он строил свою строгость на возведении стены между собой и дочерью, давая понять, что его любовь нужно заслужить абсолютным подчинением и успехами. Именно поэтому сейчас, когда Катя выросла, он не стал бить посуду или замахиваться. Он использовал то, что работало всегда — **тотальный контроль и эмоциональное удушение**.

Тактика его кампании по разлучению была не лобовой атакой, а медленной, методичной осадой. Он не запер её в башне из слоновой кости — это было бы слишком очевидно и вызвало бы лишь бунт. Он действовал как кукловод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.